

Е. В. Крикливец

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ: ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК

Корпус произведений о Великой Отечественной войне в славянских литературах очень широк. Это и произведения военных лет, и литературная рефлексия первых послевоенных десятилетий, и беллетризованный автобиографический опыт поколения «детей войны», и художественное осмысление исторической правды, предпринятое на рубеже XX–XXI веков. Общечеловеческое и творческое сознание пытается вместить трагический опыт гуманитарной катастрофы и оценить ее социальные и экзистенциальные последствия. В произведениях актуальной литературы (и белорусской, и русской), появившихся после 2000-х годов, приоритетной становится идея сохранения исторической памяти. Военное прошлое осмысливается опосредованно (на основе архивных данных, научных и публицистических источников, творческого наследия предшественников). Временная отдаленность от событий военной действительности и наличие информационного и культурного «буфера» открыли новые возможности моделирования художественной реальности в стилевой интеграции реализма и модернизма, реализма и постмодернизма.

Проза о Великой Отечественной войне, созданная в XXI веке, весьма разнообразна как в идейно-тематическом, так и в жанрово-стилевом планах. В настоящее время в филологической науке выделяют несколько направлений развития военной прозы: *историческое, онтологическое, экзистенциальное и эстетическое*¹. Данная классификация отражает попытку охарактеризовать как способы рецепции традиций советской военной литературы, так и вектор

¹ Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4. С. 6–24.

индивидуально-авторских творческих поисков, обозначить ключевые тенденции развития современной прозы о Великой Отечественной войне. Разумеется, провести чёткую границу между названными направлениями довольно затруднительно. В тексте конкретных художественных произведений, как правило, наблюдается синтез различных приёмов литературной рефлексии и создания авторских когнитивных моделей. При этом, безусловно, выделяются смысловые и формообразующие доминанты.

К историческому направлению «относятся книги, где военные события вписаны в историю страны и мира, претендуют на эпический охват»¹. Примечательно, что при всей глобальности военной трагедии в мировом масштабе и возможности (три четверти века спустя) пользоваться документальными источниками и их историческими оценками, так называемые «масштабные» произведения о войне немногочисленны. Традиции монументального эпического повествования о событиях Великой Отечественной войны, заложенные в советской и постсоветской литературе (К. Симонов «Живые и мёртвые», М. Шолохов «Они сражались за Родину», И. Шамякин «Тревожное счастье», В. Астафьев «Прокляты и убиты»), в XXI веке получают продолжение преимущественно в белорусской литературе. Их рецепцию мы наблюдаем в романах В. Гниломёдова «Война»² и Н. Чергинца «Операция “Кровь”»³.

Роман «Война» — одна из шести книг романного цикла В. Гниломёдова о жизни белорусской деревни Пруски, которая метонимически воплощает уклад жизни всей Беларуси. Аналогом такого метажанрового образования в русской литературе является тетралогия Ф. Абрамова «Пряслины», первый роман которой — «Братья и сёстры» — также посвящен изображению военных событий. На примере образов Левона Кужаля и его односельчан В. Гниломёдов убедительно демонстрирует нравственную и психологическую трансформацию белорусского народа перед лицом общечеловеческой трагедии. Нельзя не согласиться с утверждением О. Русилко о том, что «У рамане “Вайна”

¹ Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне. С. 8.

² Гніламёдаў У. В. Вайна: раман. Мінск: Беларуская навука, 2014. 626 с.

³ Чергинец Н. И. Операция «Кровь»: роман. Минск: Мастацкая літаратура, 2013. 326 с.

У. Гніламёдаў даследуе важныя рысы нацыянальнага беларускага характару, што выявіліся ў крытычны для нацыі момант: трываласць, цярплівасць, душэўнасць, ахвярнасць, пасіянарнасць і саборнасць»¹.

В романе Н. Чергинца «Операция “Кровь”» тенденция к историзму прослеживается в самом объеме жанрового содержания. Под жанровым содержанием понимается когнитивная ориентация произведения определенного жанра, способ познания и отражения действительности, способ художественного миромоделирования. Выбирая для своего повествования романную форму, Н. Чергинец предлагает читателю дедуктивный способ познания военного прошлого белорусского народа. Писатель апеллирует ко многим архивным источникам, называет конкретные цифры чудовищных потерь белорусов в годы войны, раскрывает последовательность и подробности реальных военных операций. Особое внимание уделяется значимости партизанского движения в Беларуси.

Масштабность авторского замысла воплощена на уровне сюжетно-композиционной организации произведения. В романе «Операция “Кровь”» можно выделить три сюжетные линии, которые развиваются параллельно и сходятся в контрапункте уже в кульминации повествования. Это история военного Минска и трагедия минского гетто, это подвиг белорусских партизан и подпольщиков и определение вклада партизанского движения в копилку Великой Победы, это душераздирающая правда о детском интернате (а по сути — донорском центре, лаборатории убийств) в Семково. Действие романа развивается во множестве локаций: дома героев в Минске, поселение в гетто, полицейские участки, землянки партизан, военная резиденция в Москве и др. Автор словно проводит читателя дорогами войны, утверждая: беда коснулась всех, проникла в каждый дом, никто не остался в стороне и главной задачей человека стало не только и не столько сохранить своё физическое существование, сколько сохранить в себе человека.

Экзистенциальной проблематикой обладают произведения, в которых *«война из события истории превращается в переживание*

¹ Русілка В. І. Беларускі нацыянальны характар у рамане У. Гніламёдава “Вайна” // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XXII (69) Региональной науч.-практ. конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 9–10 февраля 2017 г.: в 2 т. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. Т. 1. С. 161.

личности»¹. Такого рода направленностью характеризуется целый корпус произведений военной прозы 1960-х — 1970-х годов, в которых наблюдается обращение авторов к осмыслению экзистенциальных категорий, усиливаются апокалипсические мотивы отчаяния и смерти. Коммуникативная стратегия этих произведений ориентирована на изображение войны как жестокого истребления человеком человека. Ярким представителем экзистенциального направления в белорусской прозе о Великой Отечественной войне является Василь Быков, достаточно вспомнить его повести «Дажыць да світання», «Мёртвым не баліць», «Пайсці і не вярнуцца» и др. Герой экзистенциальной прозы о войне практически всегда находится в пограничном состоянии, в ситуации сложнейшего нравственного выбора, цена которого — жизнь. В связи с чем в советской военной литературе формируются два ключевых типа героев: герой, в пограничной ситуации переживающий духовную эволюцию, так называемое «экзистенциальное пробуждение», и герой, которого война приводит к духовному опустошению, моральной деградации. Таким образом, экзистенциальное направление военной прозы, с одной стороны, отражает девальвацию частной жизни в масштабах мировой войны, а с другой — демонстрирует возможность личного подвига «маленького человека» на войне.

В ключе экзистенциальной прозы созданы автобиографические произведения белорусских авторов из поколения «детей войны». Не случайно издательство «Четыре четверти» выпустило в свет одноименную серию книг «Дети войны». В неё вошли повести Ж. Жданова «Деды», Е. Коршукова «Заговорщики», Н. Лось «Меня зовут Лариса», Т. Майстренко «Опаленная молодость», З. Новоеико «Детство в тумане войны» и др. Стилистически названные произведения демонстрируют интеграцию беллетристики и мемуаристики.

В романе Н. Чергинца «Операция “Кровь”» мы наблюдаем рецепцию лучших традиций советской экзистенциальной прозы, что особенно ярко прослеживается в типологии героев. Мотив «экзистенциального пробуждения» в творческом сознании писателя тесно связан с процессом формирования и становления личности, а потому в ситуации нравственного выбора часто оказываются представители младшего поколения, находящиеся в начале своего жизненного пути

¹ Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне. С. 9.

и проходящие своего рода инициацию: Женя Статкевич, Абрам Рабинович, Леонид Цветков.

В советской военной прозе последней трети XX века появляются метажанровые формы, зарождающиеся «на стыке» публицистики и художественной литературы (М. Кураев «БлокАда», А. Адамович «Хатынская повесть», «Каратели» и др.). Помимо фактографического отражения военной действительности, фокус авторского внимания в этих произведениях направлен на осмысление психологии «чужого», несущего разрушение и смерть. Иными словами, писатели пытаются постичь генезис и психологию фашизма как социального явления. Данный литературный контекст, безусловно, апеллирует и к роману французского писателя Робера Мерля «Смерть моё ремесло», в котором автор объективно и от первого лица повествует о том, как на фоне истории Германии с детства складывается характер эсэсовского коменданта лагеря смерти. Примечательно, что именно в дискурсе белорусской современной литературы о войне вновь актуализируется образ врага, носителя чужой, антигуманистической идеологии, циничного исполнителя приказов, далёкого от размышлений об экзистенциальных категориях жизни и смерти. В этом ключе выписан в романе Н. Чергинца «Операция “Кровь”» образ немецкого майора Мойрина. Майор амбициозен и тщеславен. Он с особой тщательностью исполняет все приказы командования, рассчитывая на повышение. Не брезгает он и «работой», которой ему приходится заниматься в Семково. Детей, обреченных на смерть, он называет «контингент», любые моральные категории оказываются за пределами сознания майора. На примере образов Абрама Липковича и директора интерната в Семково Войтовича Н. Чергинец исследует и психологию «оборотничества», предательства, у которого нет национальности.

С точки зрения литературоведения, у произведений, написанных в русле *эстетического* направления (или демонстрирующих элементы данного направления) появляются новые художественные задачи: «...осмыслить войну в аспекте мировой культуры-памяти. Авторы ищут культурные коды, сюжеты, аналогии для передачи трагического военного опыта прошлого»¹. Как правило, культурные коды имплицитно руются в мифологической цитации.

¹ Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне. С. 9.

Роман Н. Чергинца «Операция “Кровь”» не просто реалистическое — документальное в своей основе произведение, на уровне пространственно-временной организации наблюдаются некоторые элементы мифологической условности. Так, и минское гетто, и интернат в Семково обнесены колючей проволокой. Разумеется, это было сделано фашистами в целях усиленной охраны объектов. Но и у писателей, и у читателей в XXI веке за плечами богатый и многослойный культурный опыт, который позволяет интерпретировать образ колючей проволоки и с точки зрения мифологической семантики. Во-первых, в образе колючей проволоки метафоризируется образ терния — библейского символа наказания, опустошения, орудия пыток (терновый венец на Иисусе). Очевидно, что и обитатели гетто, и ребяташки из донорского центра подвергаются тяжелейшим моральным и физическим пыткам, обречены на смерть, как агнцы на заклание. Во-вторых, колючая проволока в контексте романа может рассматриваться как обозначение границы между мирами: миром мёртвых (приговорённых) и миром живых. Существуют в произведении и свои хароны-перевозчики: немецкие машины, увозящие людей в Тростенец. В этом контексте герои, которые поддерживают связь с гетто и с закрытой территорией интерната, выступают своего рода медиаторами: Елена Петровна и Женя Статкевичи, Анна Николаевна, Ольга Иосифовна и др. Кроме того, сюжетная линия, повествующая о внедрении Анны Николаевны (по легенде — наследницы имени Анны Фишер) в интернат, довольно логично эксплицируется как античный мифологический сюжет о путешествии Орфея в царство мёртвых за Эвридикой.

Сцена публичной казни Абрама Рабиновича также может быть истолкована через призму содержащегося в ней культурного кода, в данном случае — христианского. Иудей Абрам, пожертвовав собой во имя спасения людей, после мучительных пыток погибает за веру в Победу. Аналогия со смертью Иисуса на Голгофе представляется очевидной. Партизанские разведчики снимают тело Абрама с виселицы для погребения так же, как Иосиф снимает с креста тело своего Учителя. Думается, что подобные экспликации культурных кодов не выглядят натянутыми. Напротив, они углубляют представление об идейной концепции романа, а сам факт наличия мифологической условности и историко-культурной многослойности включает произведение в межкультурный диалог с мировой художественной прозой.

В новейшей литературе последних лет стало возможным художественное осмысление исторической правды о Великой Отечественной войне в контексте стилевой интеграции реализм — модернизм, реализм — постмодернизм. Так, роман А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе»¹ апеллирует к христианскому культурному коду и к представлениям оккультизма. Документально-исторический, реалистический пласт становится базисом для постмодернистской «надстройки». Идеино-композиционную специфику романа обуславливает обилие интертекстуальных связей. В произведении можно выявить аллюзии на прецедентные тексты русской литературы, сюжетообразующими становятся приёмы мифологической и библейской цитации.

Так, пространственно-временной континуум романа коррелирует с представлениями о трёхуровневой модели вселенной: средний мир (мир людей), верхний мир (обитель ангелов, место обретения Божьей Благодати) и преисподняя. Хронотоп среднего мира реалистичен. В романе описывается четырнадцать лет мировой военной истории 1930-х — 1940-х годов. Ретроспективно представлены лишь воспоминания главного героя, Марка Луция, связанные с событиями далёкой древности: иудейской войной и казнью Иисуса Христа. При этом никаких отступлений от привычного, человеческого, времяисчисления в среднем мире не происходит. Верхний мир представлен фрагментарно, лишь отдельными его обитателями, которые выходят на контакт с Марком, дабы сообщить о его миссии или внести коррективы в её исполнение. Изолированность верхнего мира объясняется его недоступностью для персонажа — недосягаемостью Божьей Благодати для великого грешника, демона из преисподней. Континуум преисподней в авторской трактовке объединяет в себе христианские представления о чистилище и об аде, которые травестируются, преломляясь через образ советской зоны (ГУЛАГа). Однако при определённой вольности исторических трактовок, экспериментальности поэтики, роман не выходит за рамки традиционных нравственных координат отечественной военной прозы.

Повесть О. Сешко «Снуть вошлебная»² продолжает традиции условно-метафорической прозы последней трети XX века.

¹ Матвиенко А. Демон против Люфтваффе: роман. Минск: Звезда, 2022. 272 с.

² Сешко О. В. Снуть вошлебная. Повесть. Книга вторая. Гомель: Барк, 2023. 228 с.; Сешко О. В. Снуть вошлебная. Повесть. Книга первая. Гомель: Барк, 2022. 228 с.

Художественная модель мира, созданная в произведении, представляет собой переплетение нескольких пространственно-временных планов, нескольких повествовательных дискурсов, соединяющих современных школьников маленького заполярного посёлка и трагическую историю белорусского города начала войны. Можно утверждать, что произведения О. Сешко и А. Матвиенко воплощают перспективный вектор развития современной прозы о Великой Отечественной войне, поскольку демонстрируют продуктивные способы культурных импликаций и формируют действенные когнитивные подходы к художественному постижению исторической правды.

Показательно, что в современной белорусской прозе о Великой Отечественной войне не проявлены черты *онтологического* направления. По мнению исследователей, «в этой литературе война становится испытанием самой человеческой природы, “голового человека”, лишенного всего, что необходимо для жизни»¹. Белорусские авторы не пишут о бессмысленности человеческих жертв. В самых трудных обстоятельствах у героев их произведений есть главные необходимые для жизни качества: верность своим принципам и нравственным идеалам, убеждённость в правильности и праведности коллективного дела, вера в человека. Изучение произведений современной белорусской литературы убедительно доказывает, что в них нет места дегероизации подвига советского народа в Великой Отечественной войне, ибо задача авторов — возвысить человеческую личность, а не девальвировать её, укрепить веру в духовную силу белорусской нации и народного единства. Сохранение правды и исторической памяти о Великой Отечественной войне сегодня становится актом проявления гражданской позиции, обретения национальной и нравственной идентичности.

¹ Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне. С. 9.